ческого и неорганического мира («от камени до человека явственная постепенность <...> явственная сия лествица веществ, древле уже познанная, на коей все роды оных един от другого столь мало, кажется различествуют» — II, 110), о сне-смерти («О, сон! брат смерти и смежность вечности!» — II, 116) — мотивы, связывавшие с Гердером и Льва Толстого.

В творческой истории своих романов Толстой уходил от непосредственного выражения, цитации мыслей Гердера. Толстовские герои ищут ответа на свои вопросы обычно не в книгах. «Он [Левин] читал и думал и чем больше он читал и думал, тем дальше чувствовал себя от преследуемой им цели».[41] Прямые обращения Пьера Безухова и князя Андрея к сочинениям Гердера как философскому апокалипсису остались в вариантах «Войны и мира». Толстой вслед за Радищевым идеи Гердера использовал с поправкой на свое миросозерцание. Читая в конце 1877 г. сочинения историка религии Макса Мюллера, Толстой замечает: «Нигде нет и речи о переселении душ, но только о бессмертии души».[42] Толстой не признает ортодоксально религиозную трактовку бессмертия, он помнит концепцию Гердера.

Идея совершенствования природы и человека, идея бессмертия у Радищева вливается в его суждения о нравственном совершенствовании, о необходимости уничтожения зла. «Если же себе представим, что все человеки сходствуют в их силах и способностях, суть во всем одинаковы, и черта, одного от другого отделяющая, незрима, в различиях своих они восходят или нисходят непременною постепенностию, но вся суть единого рода; следовательно, и определения их, места их, цель должны быть одинаковы. Если кто из них, употребляя во зло данные ему способности, устраняется предопределения своего, то все следствия злых дел налягают на него. Едкая совесть грызет его сердце и не отступит от него, дондеже не истребит в нем все преступное, все злое» (II, 138).

Революционность Радищева не исключала обращения к общечеловеческим нравственным проблемам, к идее самовоспитания, которая у Толстого превратилась в целостную философию нравственного самосовершенствования. «Дуализм» рассуждений Радищева о бессмертии возникает в новой исторической обстановке, в новом преломлении, у Толстого, бескомпромиссного обличителя, противника самодержавия, религии, различных псевдотеорий и страстного проповедника вечных начал нравственности с тем же зерном Гердеровой теории.

Пласты материальной, духовной жизни, культуры, породившие Радищева и Толстого, не равнозначны. Однако и того, и другого бесспорно сближают демократизм, их верность крестьянской России, смелый, решительный отказ от всех сословных приви-

---

[41] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 369.
[42] Там же, т. 48, с. 348.